

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+811.161.1'373
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП41.12-36

ГРНТИ 16.21.55

Код ВАК 5.9.8; 5.9.5

Кристина Ивановна Декатова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, dekatovaki@mail.ru,
SPIN-код: 7838-3660, <https://orcid.org/0000-0002-7690-8379>

Фразеостилистическая конвергенция и контаминация как средства выражения иронии в политическом тексте

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме вербального выражения иронического кода в политическом тексте. Целью исследования стал анализ образующихся в результате взаимодействия фразеологических единиц и стилистических приемов фразеостилистических комплексов, участвующих в экспликации иронии. В результате исследования были описаны фразеостилистические комплексы, образованные вследствие таких процессов, как фразеостилистическая конвергенция и фразеостилистическая контаминация. Материалом исследования послужили фразеостилистические конвергенты и контаминанты, участвующие в выражении иронических смыслов. Источниками материала послужили политические публицистические тексты. В процессе исследования применялись метод компонентного анализа и метод контекстуального анализа. В статье рассматриваются семантические механизмы формирования иронических смыслов в многоярусной смысловой структуре фразеостилистического конструкта. Автор статьи приходит к выводу, что фразеостилистические конвергенты и контаминанты становятся экспликаторами иронии в результате двух типов смысловых несоответствий: несоответствия смысла фразеостилистического конструкта представлениям о реальной действительности и несоответствия элементов фразеостилистического конструкта. Второй тип смыслового несоответствия основывается на нарушении норм лексической или стилистической сочетаемости взаимодействующих устойчивых единиц и стилистических приемов. Анализ смысловой структуры фразеостилистических комплексов в политическом тексте показал, что иронические смыслы нередко формируются в тех случаях, когда в состав фразеостилистических конвергентов и контаминантов входят фразеологизмы, обладающие ироническим кодом, а также фигуры абсурда и фигуры неправдоподобия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, фразеологизмы, фразеологические единицы, стилистические приемы, фразеостилистический конвергент, фразеостилистический контаминант, ирония, публицистика, публицистический дискурс, публицистические тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Декатова Кристина Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400005, Россия, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27; email: dekatovaki@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Декатова, К. И. Фразеостилистическая конвергенция и контаминация как средства выражения иронии в политическом тексте / К. И. Декатова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 90–97.

Kristina I. Dekatova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, dekatovaki@mail.ru, SPIN code: 7838-3660, <https://orcid.org/0000-0002-7690-8379>

Phraseo-Stylistic Convergence and Contamination as Means of Expressing Irony in Political Text

ABSTRACT. The article deals with the issue of the verbal expression of ironic code in political text. The aim of the study is to analyze the phraseostylistic complexes participating in the explication of irony formed as a result of interaction between phraseological units and stylistic devices. As a result of the undertaken research, the author describes phraseostylistic complexes formed in the course of such processes as phraseostylistic convergence and phraseostylistic contamination. The practical research material embraces phraseostylistic convergents and contaminants involved in the expression of ironic meanings. Political publicist texts serve as sources of practical research material. The study employs the method of component analysis and the method of contextual analysis. The article examines semantic mechanisms of the formation of ironic meanings in the multi-tiered semantic structure of a phraseostylistic construct. The author of the article comes to the conclusion that phraseostylistic convergents and contaminants become explicators of irony as a result of two types of semantic discrepancies: a discrepancy between the meaning of the phraseostylistic construct and the ideas about reality, and a discrepancy between the elements of the phraseostylistic construct. The second type of semantic discrepancy is based on a violation of the norms of lexical or stylistic combinability of the interacting phraseological units and stylistic devices. An analysis of the semantic structure of phraseostylistic complexes in a political text has shown that ironic meanings are often formed in cases where phraseostylistic convergents and contaminants include phraseological units with an ironic code, as well as the figures of absurdity and the figures of improbability.

KEYWORDS: political discourse, political texts, phraseologisms, phraseological units, stylistic devices, phraseostylistic convergent, phraseostylistic contaminant, irony, publicism, publicist discourse, publicist texts.

AUTHOR'S INFORMATION: Dekatova Kristina Ivanovna, Doctor of Philology, Head of Department of the Russian Language and Methods of Its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia.

FOR CITATION: Dekatova K. I. (2025). Phraseo-Styletic Convergence and Contamination as Means of Expressing Irony in Political Text. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 90–97. (In Russ.).

Современные научно-исследовательские работы, посвященные анализу иронии, нередко начинаются с описания трудностей определения границ и сущностных признаков этого феномена [Винник 2019; Каличкина 2022; Шилихина 2014; Земчихина 2018 и др.]. К основным причинам отсутствия одинакового понимания иронии в разных научных сферах относят сложность ее природы и разные подходы к исследованию ее функций. Будучи непростым когнитивно-вербальным явлением, ирония рассматривается и как мировоззрение, эстетическая категория в философских и культурологических исследованиях [Кирюхин 2011; Пивоев 2000; Рорти 1996; Семенов 2007 и др.], и как эмоциональное переживание, вид психологической защиты и агрессии в психологических трудах [Киришбаум, Еремеева 2005; Рубинштейн 2002; Фрейд 1997 и др.], и как средство вербализации категории комического, фигура двусмысленной речи в филологических исследованиях [Зинченко 2016; Ермакова 2007; Каличкина 2022; Козинцев 2007 и др.]. Анализ лингвистической справочной и научно-исследовательской литературы показывает, что в языкознании существует узкое и широкое понимание иронии. При узком понимании ирония описывается как стилистический прием и нередко приравнивается к антифразису — фигуре двусмысленной речи, «состоящей в употреблении слов в противоположном смысле» [Ахманова 1969: 49]. С этим определением иронии не согласны исследователи, которые видят в ней не прием выразительной речи, а также особое дискурсивное явление, формируемое совместными действиями говорящего и адресата [Шилихина 2014: 80]. Такое широкое понимание иронии позволяет рассматривать ее как сложное ментально-семиотическое явление, образуемое в результате изменения «смежности смыслов или форм (вплоть до их несовместимости), имеющее многочисленные варианты репрезентации <...>» [Каличкина 2022: 132].

Будучи эффективным средством косвенной передачи смыслов, ирония активно используется в тех коммуникативных сферах, в которых важнейшей задачей является манипулирование сознанием адресата. К таким коммуникативным сферам относится политическая коммуникация, в которой для достижения главной цели — завоевания и удержания власти — используются разные сред-

ства манипулятивного воздействия на общественное мнение [Шейгал 2000]. Ирония в ряду этих средств занимает особое место, поскольку ее прагматический потенциал велик: иронические высказывания позволяют воздействовать и на эмоции, и на ум участников политического общения. Вызывая широкий спектр эмоциональных переживаний — от гнева до смеха, — иронические номинации в речи политика заставляют аудиторию прилагать интеллектуальные усилия для декодирования их смысла. Необходимость расшифровывания иронического высказывания обусловлена двуплановостью семантики иронии: иронический смысл формируется на базе столкновения прямого и переносного смысла, «на основе некогерентности буквального смысла выражения и фонового знания (контекстуального или шире — дискурсивного)» [Солодилова 2023: 127]. Способность иронии быть инструментом эмоционально-интеллектуального воздействия делает ее эффективным средством манипуляции. Кроме того, эффективность иронии в политической коммуникации обусловлена тем, что иронические номинации одновременно являются и средством нападения, и средством защиты: иронизируя, осмеивая политического оппонента, можно нанести ему репутационный ущерб и при этом заставить действовать осторожно, так как открытая агрессия в ответ на иронические замечания может расцениваться как неспособность дать достойный ответ, вскрывает полемические слабости политика. Ирония относится к средствам дискредитации оппонента, но при этом, как отмечает Е. И. Шейгал, ирония является «наименее агрессивным типом инвектив» [Шейгал 2000: 176], потому что ироническое высказывание — это скрытая инвектива, агрессия, завуалированная насмешкой. Таким образом, широким прагматическим потенциалом и функциональными возможностями иронии объясняется тот факт, что «иронический компонент почти с необходимостью присутствует при реализации большинства тактических схем» политической коммуникации [Руженцева 2004: 81].

В современной политической лингвистике исследованию проявления иронического в тексте посвящено немало работ: изучались лингвокультурные особенности выражения иронии [Боженкова, Каличкина 2020; Каличкина 2022; Воробьева 2007 и др.], анализировались механизмы формирования

иронических кодов, их функции, роль в реализации различных коммуникативных стратегий и тактик [Горностаева 2014; Мощева 2022; Фенина 2015; Солодилова 2023; Шилихина 2014 и др.], рассматривались вербальные средства экспликации иронического смысла [Веселова 2003; Винник 2019; Глазова 2016; Попова 2017 и др.].

В результате исследования средств выражения иронии в политическом тексте были описаны такие приемы создания иронического эффекта, как неожиданное сочетание слов, обыгрывание прецедентных текстов, двойная актуализация значения языковых единиц, словообразовательные трансформации, игра с жанровыми формами, языковая игра [Руженцова 2004; Солодилова 2023 и др.]. Исследование последнего приема позволило всесторонне проанализировать процессы образования иронического смысла в высказываниях, содержащих различные стилистические приемы и фразеологические единицы [Веселова 2003; Ляпун 2009; Руженцова 2004 и др.]. Несмотря на глубокий анализ роли тропов, стилистических фигур, устойчивых единиц языка в экспликации иронии, взаимодействию стилистических приемов и фразеологических единиц, приводящему к формированию иронического смысла, не было уделено должного внимания. В этой связи анализ взаимодействия устойчивых единиц и стилистических приемов как процесса, порождающего иронические смыслы в политическом тексте, является весьма актуальным.

Контекстуальное взаимодействие фразеологизмов и стилистических приемов приводит к формированию фразеостилистических конструктов разного типа, а именно к образованию фразеостилистических конвергентов и контаминантов [Декатова 2024]. Первый тип фразеостилистических конструктов образуется в результате наложения фразеологических единиц и стилистических приемов для выполнения общих стилистических функций. Например, именно такой сложный фразеостилистический конструкт использует С. Шаргунов, описывая в статье «Побеждает неваляшка» причины конца «эры военно-политического монополизма США»:

*А что же мальчик, претендующий быть «отцом глобального семейства»? Конечно, можно **давить маленькие неугодные страны тотальными санкциями до посинения**, не пытаясь слышать и разгова-*

*ривать, не вникая в исторические и социальные нюансы (и, как известно, **благословляя средневековые монархии Персидского залива и ядерную бомбу турбулентного Пакистана**)*¹.

Негативная характеристика и отрицательная оценка поведения Дональда Трампа, рассыпающего угрозы всем не признающим величия Америки странам, выражается с помощью конвергенции антитезы *маленькие страны* и *тотальные санкции*, основанной на противопоставлении эпитетов *маленькие* и *тотальные*, и устойчивой единицы (давить) *до посинения* — 'до полной потери сил, до изнеможения' [Федоров 2008: 510].

Фразеостилистические конструкты второго типа — фразеостилистические контаминанты — представляют собой объединение последовательно расположенных стилистических приемов и фразеологических единиц для выполнения общей стилистической функции. Например, негативное отношение к политическим шагам идеолога перестройки А. Н. Яковлева и горькую иронию автор статьи «Моралитэ „серого кардинала“» выразил в контаминации стилистического приема — эпитета *покаянный* — и модифицированной фразеологической единицы *посыпание головы пеплом* (*посыпать голову пеплом* — 'предаваться глубокой скорби (обычно по поводу тяжелой утраты)' [Федоров 2008: 512]):

*Во второй половине 1980-х престол Папы Римского в Ватикане занимал бывший краковский кардинал Войтыла. В Польше у власти находился генерал Войцех Ярузельский, ветеран Войска Польского времён войны, преданный и искренний союзник СССР. Яковлевский «покаянный» доклад, **посыпание головы пеплом по поводу «секретных протоколов» 1939 года в польском руководстве восприняли с недоумением***².

Фразеостилистическая контаминация и конвергенция приводит к формированию сложной речевой единицы, обладающей многоярусной смысловой структурой. Смыслообразование фразеостилистического конструкта — это построение смысловой структуры на базе значений его компонентов — устойчивых единиц и языковых единиц, участвующих в формировании стилистических приемов. Так, характеризуя поступок Лионеля Месси, не явившегося на церемонию награждения в Белом доме, журналист В. Богданов использует сложный стилисти-

¹ Шаргунов С. Побеждает неваляшка // RT на русском от 14 августа 2017 г. URL: <https://ru.rt.com/8zb3> (дата обращения: 24.01.2025).

² Бадов В. Моралитэ «серого кардинала» // Еженедельник «Звезда» от 05 сентября 2020 года. URL: <https://zvezdaweb.ru/news/20208241420-EbFW5.html> (дата обращения: 16.01.2025).

ческий прием, основанный на фразеостилистической конвергенции:

Самым умным из всех друзей Байдена, которые участвовали в церемонии награждения медалями Свободы в Белом доме, оказался Лионель Месси. На поле вашингтонского болота игрок «Интера Майами» так и не вышел. Сказал, что трудно добираться. Правильно. В Аргентине у Месси свой Трамп-Милей. И он 20 января как Байден в отставку не уходит¹.

Смысловая структура фразеостилистического конвергента формируется в процессе сочетания значений фразеологизма **вашингтонское болото** — ‘правящие круги США’ — и метафорического оборота **игрок на поле не вышел** — ‘не принимать участие в игре’. Фразеологическое и метафорическое значения являются первым ярусом смысловой структуры фразеостилистического конвергента, на котором надстраивается речевой смысл высказывания — ‘не принимать участие в игре, организованной определенными правящими силами Америки’.

Многоярусность смысловой структуры фразеостилистического конструктора (далее — ФСК) осложняет процесс его декодирования. Еще сложнее оказывается декодирование ФСК, содержащего иронический код, поскольку для правильного понимания подобного стилистического приема необходимо не только соотнести значения фразеологической единицы и стилистической фигуры или тропа, но и определить ложный посыл, расшифровать скрытые иронические смыслы. К такому сложному вербальному средству воздействия автор политического текста, как правило, прибегает в тех случаях, когда он не желает открыто выразить свое отношение к политическим реалиям и стремится завуалировать негативные эмоции, оценку, критическое отношение к политическим игрокам или событиям.

Анализируя семантические особенности иронических высказываний, К. М. Шилихина пишет, что «семантической основой иронии является намеренно создаваемое говорящим несоответствие между отдельными элементами высказывания либо между высказыванием и реальной ситуацией» [Шилихина 2014: 12]. Признавая справедливость данного наблюдения, отметим, что в высказываниях, содержащих ФСК, иронический код формируется вследствие установления таких типов несоответствия, как 1) несоот-

ветствие смысла ФСК существующим представлением о мироустройстве или дискурсивной ситуации 2) либо смысловое несоответствие элементов ФСК.

Примером выражения иронии в политическом тексте в результате несоответствия ФСК представлениям о миропорядке может послужить описание предвыборных событий 2008 г. в России в статье С. Сергеева, опубликованной в газете «Известия»:

*Однако в те дни и месяцы главное противостояние власти исходило от партии Геннадия Зюганова. На одном из партийных собраний верный зюгановец генерал Варенников озвучил программу партии, сулившую стране «максимум коммунизма». КПРФ подготовила тогда 20 законопроектов по воссозданию социалистической системы, то есть **прямой путь назад к светлomu будущему**².*

В данном фрагменте оксюморон **прямой путь назад к светлomu будущему** формируется с помощью политического фразеологизма **светлое будущее** — ‘о счастливом грядущем (обычно коммунизме)’ [Русская фразеология: историко-этимологический словарь 2005: 70]. ФСК становится средством выражения иронии, потому что автор прибегает к утверждению о том, чего не существует в реальности: вербально выраженный смысл вступающих в конвергенцию оксюморона и фразеологизма не соответствует существующему представлению о том, что в будущее невозможно попасть, двигаясь назад. Кроме того, автор статьи иронизирует по поводу стремления представителей политической партии КПРФ воссоздать ту политическую систему, которая не оправдала ожидания граждан страны, вернуть страну к тому, чего не было, поскольку в Советском Союзе так и не удалось построить счастливое коммунистическое общество.

Формирование иронического кода в результате несоответствия элементов ФСК возможно по разным причинам. Ирония может основываться на нарушении норм лексической сочетаемости элементов ФСК. Так, в статье «Фрау Урсула отменяет либерум вето», опубликованной на канале Международной телевизионной сети RT, М. Соколов с иронией описывает попытки ЕС отказаться от принципа единогласия:

*Когда же в конце 1990-х — начале нулевых Евросоюз **окончательно отдался головокружению от успехов и стихии без-***

¹ Telegram-канал В. Богданова (пост от 5 января 2025 года). URL: <https://t.me/s/valentinbogdanov> (дата обращения: 20.01.2025).

² Сергеев С. Мрачные тени светлого будущего // Известия от 17 марта 2008 года. URL: <https://iz.ru/news/334390> (дата обращения: 22.01.2025)

*оглядного расширения, включая в свой состав страны, ни в хозяйственном, ни в политическом, ни в культурном отношении не соответствующие стандартам старой Европы, имеющие свои интересы, порой весьма далёкие от интересов старых сочленов, тогда по зданию, основанному на принципе консенсуса, пошёл треск*¹.

Лексическая несочетаемость употребляемого в переносном значении слова *отдаться* — ‘целиком, безраздельно посвящать себя чему-либо (любимому делу, искусству, семье и т. п.)’ [Словарь современного русского литературного языка 1959: 1327] и фразеологизма *головокружение от успехов* — ‘утрата способности правильно понимать и оценивать реальную действительность под влиянием достигнутых успехов в отсутствие самокритики’ [Русская фразеология: историко-этимологический словарь 2005: 150] — становится причиной возникновения иронического смысла, позволяющего автору высмеять полную неспособность чиновников ЕС правильно понимать реальную действительность.

Основой образования иронии может быть стилистическое несоответствие элементов ФСК. Например, описывая предвыборные столкновения руководства колхоза имени В. И. Ленина с властью имущими политическими оппонентами, П. Н. Грудинин иронично характеризует своих политических противников:

*Однако нынче ситуация резко осложнилась, потому что на сей раз рейдеров поддерживали судьи, силовики, разнокалиберные чиновники, чьи уши порой торчат с самых высоких этажей федеральной власти*².

В данном фрагменте иронический смысл формируется вследствие сочетания элементов ФСК разного стиля: книжное слово **чиновники** сочетается с разговорным, пренебрежительным словом **разнокалиберные**, а просторечный фразеологизм **уши торчат** — ‘налицо недостатки, недоделки; работа сделана недобросовестно, неквалифицированно’ [Большой словарь русских поговорок 2007: 696] — сочетается с модифицированным книжным фразеологизмом **верхние (высокие) этажи (федеральной) власти** — ‘о высших структурных подразделениях ие-

рархической системы управления’ [Большой словарь русских поговорок 2007: 763].

Ирония нередко формируется вследствие объединения в пределах ФСК элементов с противоположной оценкой. Например, в рассуждениях о восприятии современниками событий Октябрьской революции автора статьи «Наша Родина — революция», опубликованной в газете «Правда», содержится ироническое наименование тех, кто оказывает влияние на формирование общественного мнения:

*Вряд ли мы услышим в телевизионных политических шоу, например, слова Сергея Есенина, современника революции, который знал, что «имя Ленина шумит, как ветер по краю, давая мыслям ход, как мельничным крылам». Не вспомнят нынешние суетливые «властители дум» эти строки в праздничные дни, например, на Первом канале телевидения. Потому что подлинный Есенин (как и подлинный Блок, Маяковский, Конёнков, Шостакович и многие другие наши гении, отразившие свет Октября) не соответствует нынешней установке на искажение революции...*³

ФСК *нынешние суетливые «властители дум»* состоит из фразеологической единицы *властитель дум* — ‘выдающийся человек, оказывающий сильное духовное и интеллектуальное влияние на своих современников’ [Русская фразеология: историко-этимологический словарь 2005: 101] — и эпитетов *нынешние, суетливые*. Объединение книжной, выражающей положительную оценку устойчивой единицы, и слова *суетливые*, в семантике которого содержится отрицательная оценка, делает данный ФСК оценочным оксюмороном. На несоответствие оценочных смыслов компонентов ФСК формируется его иронический код.

Анализ лингвистического материала показывает, что ирония, эксплицируемая ФСК, нередко основана на использовании устойчивых единиц с ироническим кодом. Например, к таким языковым единицам можно отнести устойчивое выражение *не надо такого счастья*, входящее в ФСК нижеследующего фрагмента газетной статьи:

Не будем забывать, что мы находимся в многоуровневом конфликте с Западом: экономическом, военном, психоисториче-

¹ Соколов М. Фрау Урсула отменяет либерум вето // RT на русском от 11 мая 2022 года. URL: <https://ru.rt.com/lguou> (дата обращения: 25.01.2025).

² Озеров А. Сплотимся для отпора! // Правда №124 (30911) от 8–11 ноября 2019 года. URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/124-30911-8-11-noyabrya-2019-goda/splotimsya-dlya-otpora/?sphrase_id=156979 (дата обращения: 22.01.2025).

³ Замостьянов А. Наша Родина — революция // Правда. №123 (30620) от 3–8 ноября 2017 года. URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/123-30620-3-8-noyabrya-2017-goda/-nasha-rodina-revoljutsiya/?sphrase_id=155091 (дата обращения: 22.01.2025).

ском (ментальном). Поэтому **не надо нам такого счастья**, чтобы **рулила «коллективная Камала»**. Поэтому пожелаем Байдену здоровья!¹

Известно, что выражение **не надо нам такого счастья** используется в тех случаях, когда речь идет о чем-то нежелаемом, о не приносящем счастья предмете, явлении или событии. Сочетание данного выражения с метафорой **рулила** и модифицированной фразеологической единицей «**коллективная Камала**» придает ФСК иронический смысл: правление группы людей, стоящих за слабым, недалёковидным, вечно смеющимся и неумным американским политиком Камалой Харрис, называется счастьем, от которого все с радостью готовы отказаться.

Иронический код, как правило, формируется в смысловой структуре ФСК, в состав которого входят фигуры абсурда и фигуры неправдоподобия. К первым относят стилистические приемы, основанные на принципе алогизма (оксюморон, катахреза и др.), ко вторым — стилистические приемы, основанные на доведениях до абсурда несоответствия содержания языковых единиц действительному или возможному положению дел (гипербола, литота и др.) [Москвин 2024: 98–115]. Например, на странице официального канала в мессенджере Telegram Д. А. Медведев иронично характеризует умственное и физическое состояние американского президента Д. Байдена:

На примере ушедшего в небытие ходячего мертвеца Байдена можно проследить, как опытный и неглупый в целом политик (а он очень опытный, работал на высоких позициях ещё в советский период) постепенно превратился в оторванного от реалий маразматика².

В данном отрывке политического текста ФСК представляет собой оксюморон, образованный в результате сочетания фразеологизмов *уйти в небытие* — ‘умереть’ [Федоров 2008: 712] и *ходячий (живой) мертвец* — ‘о человеке, одряхлевшем физически и опустошённом духовно’ [Федоров 2008: 367], которые содержат в значении несовместимые смысловые элементы ‘живой’ и ‘мертвый’. Приписывая политическому оппоненту взаимоисключающие признаки — способность быть живым и мертвым одновременно, — Д. А. Медведев высмеивает политическую

несостоятельность уходящего с поста президента США политика.

Фигуры неправдоподобия имеют большой иронический потенциал, поэтому ФСК, в состав которых входят свободносинтаксические или фразеологизированные гиперболы или литоты, нередко используются в политическом тексте для экспликации иронических смыслов. Так, журналист А. Медведев, рассуждая о действиях Трампа, с горькой иронией пишет о возможных последствиях разногласий с повторно избранным президентом США:

Да, он бизнесмен. И поэтому кому-то наивно кажется, что он будет торговаться об условиях мира. Угу. Только торг пойдёт об условиях, выгодных США. Не более того. И если Трамп не получит то, что хочет, Украину накачают оружием по ушам³.

Иронический смысл ФСК *Украину накачают оружием по ушам* образуется вследствие сочетания метафоры с фразеологической единицей с гиперболическим значением *по (самые) ушам* — ‘сверх всякой меры’ [Федоров 2008: 713].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, желая выразить негативное отношение к политическим реалиям и дать им отрицательную оценку завуалированно, авторы политического текста прибегают к иронии. В ряду средств выражения иронических смыслов в политической коммуникации нередко выступают фразеостилистические комплексы — фразеостилистические конвергенты и контаминанты. Иронический код данных сложных изобразительно-выразительных средств может формироваться в результате установления несоответствия смысла фразеостилистических комплексов существующим представлениям о мироустройстве или смыслового несоответствия элементов фразеостилистических конвергентов и контаминантов: лексической, стилистической несочетаемости фразеологизмов и стилистических приемов, несоответствия их оценочной семантики и др. Смысловое несоответствие как основа формирования иронического кода в смысловой структуре фразеостилистических комплексов нуждается в дальнейшем изучении, поскольку такого рода исследования позволят более детально осмыслить особенности процесса

¹ Школьников А., Титов И. Крах США неизбежен? // Завтра. 2022. 30 сент. URL: https://zavtra.ru/blogs/krah_ssha_neizbezhen (дата обращения: 15.01.2025).

² Telegram-канал Д. А. Медведева (пост от 14 октября 2024 года). URL: https://t.me/s/medvedev_telegram (дата обращения: 22.01.2025).

³ Медведев А. Наивная радость экспертов // RT на русском. 2024. 17 июля. URL: <https://ru.rt.com/srz1> (дата обращения: 21.01.2025).

декодирования иронических смыслов в политических текстах разных жанров.

СЛОВАРИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1969. — 607 с. — Текст : непосредственный.
2. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. — Москва : Астрель : АСТ, 2008. — 878 с. — Текст : непосредственный.
3. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 784 с. — Текст : непосредственный.
4. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 8. — 1840 стб. — Текст : непосредственный.
5. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Москва : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. — 928 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боженкова, Н. А. Поликодовая ирония в современном медиаполитическом пространстве / Н. А. Боженкова, Т. И. Каличкина. — Текст : непосредственный // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. — Москва : РУДН, 2020. — С. 137–143.
2. Веселова, Н. В. Ирония в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Веселова Н. В. — Нижний Новгород, 2003. — 185 с. — Текст : непосредственный.
3. Винник, Ю. В. Специфика иронии в политической коммуникации / Ю. В. Винник. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2019. — № 4 (247). — С. 38–42.
4. Воробьева, К. А. Лингвокультурологические источники иронии / К. А. Воробьева. — Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2007. — № 1. — С. 72–74.
5. Глазова, Н. А. Тропы как средство создания комического эффекта / Н. А. Глазова. — Текст : непосредственный // Риторика. Лингвистика. — 2016. — № 12. — С. 24–30.
6. Горностаева, А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? / А. А. Горностаева. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2014. — № 3. — С. 64–74.
7. Декатова, К. И. Контекстуальное взаимодействие фразеологизмов и стилистических приемов как сложное стилистическое явление / К. И. Декатова. — Текст : непосредственный // Terra Linguistica. — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 47–59.
8. Ермакова, О. П. Ирония среди тропов / О. П. Ермакова. — Текст : непосредственный // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина. — Москва : Языки славянской культуры, 2007. — С. 172–181.
9. Земчихина, Л. С. Ирония: к проблеме определения / Л. С. Земчихина. — Текст : непосредственный // Наука и школа. — 2018. — № 6. — С. 155–161.
10. Зинченко, Н. С. Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа художественного дискурса / Н. С. Зинченко. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 3-1 (57). — С. 126–130.
11. Каличкина, Т. И. Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук / Каличкина Т. И. — Москва, 2022. — 238 с. — Текст : непосредственный.
12. Киршбаум, Э. И. Психологическая защита / Э. И. Киршбаум, А. И. Еремеева. — Москва : Смысл : Санкт-Петербург : Питер, 2005. — 175 с. — Текст : непосредственный.
13. Кирюхин, Ю. А. Ирония как предмет эстетического осмысления (история разработки понятия) / Ю. А. Кирюхин. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — № 2 (40). — С. 87–90.

14. Козинцев, А. Г. Юмор: до и после иронии / А. Г. Козинцев. — Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. — Москва : Индрик, 2007. — С. 238–253.

15. Ляпун, С. В. Ирония в газетной публицистике конца XX — начала XXI веков: стилистический прием и стилевая тенденция / С. В. Ляпун. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. — 2009. — Вып. 1. — С. 115–120.

16. Москвин, В. П. Риторика и теория коммуникации: виды, стили и тактики речевого общения / В. П. Москвин. — Москва : Ленанд, 2024. — Т. 2. — 368 с. — Текст : непосредственный.

17. Мошчева, С. В. Ироническое высказывание как косвенная речевая тактика: на основе политического дискурса / С. В. Мошчева. — Текст : непосредственный // Вестник Гуманитарного института. — 2022. — № 3. — С. 40–46.

18. Пивовев, В. М. Ирония как феномен культуры / В. М. Пивовев. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. — 106 с. — Текст : непосредственный.

19. Попова, Т. И. Стилистическая многослойность сатирического политического креолизованного текста / Т. И. Попова. — Текст : непосредственный // Век информации. — 2017. — № 2-2. — С. 50–51.

20. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти. — Москва : Русское феноменологическое общество, 1996. — 280 с. — Текст : непосредственный.

21. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 720 с. — Текст : непосредственный.

22. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2004. — 294 с. — Текст : непосредственный.

23. Семенов, И. А. Ирония как категория культуры / И. А. Семенов. — Текст : непосредственный // Аналитика культурологии. — 2007. — № 2 (8). — С. 19–22.

24. Солодилова, И. А. Ирония в политических дебатах: функциональная когерентность / И. А. Солодилова. — Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 124–135.

25. Фенина, В. В. Ирония в обыденном политическом дискурсе (на материале интернет-комментариев пользователей сайта «Эхо Москвы») / В. В. Фенина. — Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 1. — С. 29–34.

26. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. — Санкт-Петербург : Унив. кн. ; Москва : АСТ, 1997. — 317 с. — Текст : непосредственный.

27. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 431 с. — Текст : непосредственный.

28. Шилихина, К. М. Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук / Шилихина К. М. — Воронеж, 2014. — 399 с. — Текст : непосредственный.

DICTIONARIES

1. Ahmanova, O.S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sov. enciklopediya, 607 p. (In Russ.)
2. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow: Astrel : ACT, 878 p. (In Russ.)
3. Mokienko, V.M., & Nikitina, T.G. (2007). *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok* [A comprehensive dictionary of russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Group, 2007. 784 p. (In Russ.)
4. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language] in 17 vols. (vol. 8, p. 1840). Moscow, Leningrad: USSR, 1959 (In Russ.)
5. Birih, A.K., Mokienko, V.M., & Stepanova, L.I. (2005). *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar'* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary]. Moscow: Astrel: AST: Lyuks, 2005. 928 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Bozhenkova, N.A., & Kalichkina, T.I. (2020). Polikodovaya ironiya v sovremennom mediapoliticheskom prostranstve [Polycode irony in the modern media policy space] In *Voprosy sov-*

remennoj lingvistiki i izucheniya inostrannyh yazykov v epohu iskusstvennogo intellekta [Issues of modern linguistics and foreign language learning in the era of artificial intelligence] (pp. 137–143). Moscow: RUDN. (In Russ.)

2. Veselova, N.V. (2003). *Ironiya v politicheskom diskurse* [Irony in political discourse] [Dis. of Cand. of Philology]. Nizhny Novgorod, 185 p. (In Russ.)

3. Vinnik, Y.V. (2019). Specificity of irony in political communication. *Bulletin of the Adyghe state university. Ser.: Philology and the Arts*, 4(247), 38–42. (In Russ.)

4. Vorob'eva, K.A. (2007). Linguocultural sources of irony. *Bulletin of South Ural State University*, 1, 72–74 (In Russ.)

5. Glazova, N.A. (2016). Tropes as Comic Devices. *Rhetoric. Linguistics*, 12, 24–30 (In Russ.)

6. Gornostaeva, A.A. (2014). Irony in political discourse: aggression or entertainment. *Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika*, 3, 64–74 (In Russ.)

7. Dekatova, K.I. (2024). The contextual interaction of phraseological units and stylistic devices as a complex stylistic phenomenon. *Terra Linguistica*, 15(3), 47–59 (In Russ.)

8. Ernakova, O.P. (2007). Ironiya sredi tropov [Irony among the tropes]. In *Yazyk v dvizhenii. K 70-letiyu L. P. Krysin* [The language is in motion. On the 70th anniversary of L. P. Krysin] (pp. 172–181). Moscow. (In Russ.)

9. Zemchihina, L.S. (2018). Irony: to the issue of definition. *Science and School*, 6, 155–161. (In Russ.)

10. Zinchenko, N.S. (2016). Irony as a multi-aspect phenomenon: the methodological foundations of literary discourse analysis. *Philology. Theory & Practice*, 3-1(57), 126–130. (In Russ.)

11. Kalichkina, T.I. (2022). *Ironiya kak sposob eksplicacii lingvokul'turnyh osobennostej sovremennoj politicheskoy kommunikacii* [Irony as a way of explication of linguistic and cultural features of modern political communication] [Dis. of Cand. of Philology]. Moscow, 238 p. (In Russ.)

12. Kirshbaum, E.I., & Ereemeeva, A.I. (2005). *Psihologicheskaya zashchita* [Psychological protection]. Moscow: Smysl ; St. Petersburg: Piter, 175 p. (In Russ.)

13. Kiryuhin, Y.A. (2011). Ironiya kak predmet esteticheskogo osmysleniya (istoriya razrabotki ponyatiya) [Irony as a subject of aesthetic comprehension (the history of the concept development)]. *Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*, 2(40), 87–90. (In Russ.)

14. Kozincev, A.G. (2007). Yumor: do i posle ironii [Humor: before and after irony]. In *Logicheskij analiz yazyka. Linguistic mechanisms of comedy* (pp. 238–253). Moscow: Indrik. (In Russ.)

15. Lyapun, S.V. (2009). Ironiya v gazetnoy publitsistike kontsa XX — nachala XXI vekov: stilisticheskij priem i stilevaya tendentsiya [Irony in newspaper journalism of the late XX — early XXI centuries: stylistic device and style trend]. *Vestnik Adygey-*

skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Filologiya i iskusstvovedenie, 1, 115–120. (In Russ.)

16. Moskvina, V.P. (2024). *Ritorika i teoriya kommunikacii: Vidy, stili i taktiki rechevogo obshcheniya* [Rhetoric and theory of communication: Types, styles and tactics of speech communication]. Book 2. Moscow: Lenand, 368 p. (In Russ.)

17. Moshcheva, S.V. (2022). Ironicheskoe vyskazyvanie kak kosvennaya rechevaya taktika: na osnove politicheskogo diskursa [Ironic utterance as an indirect speech tactic: based on political discourse]. *Bulletin of the Humanities Institute of ISUCT*, 3, 40–46. (In Russ.)

18. Pivoev, V.M. (2000). *Ironiya kak fenomen kul'tury* [Irony as a cultural phenomenon]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 106 p. (In Russ.)

19. Popova, T.I. (2017). Stylistic layering of satirical political creolized text. *Information Age*, 2-2, 50–51. (In Russ.)

20. Rorti, R. (1996). *Sluchajnost', ironiya i solidarnost'* [Chance, irony and solidarity]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 280 p.

21. Rubinshtejn, S.L. (2002). *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter, 720 p. (In Russ.)

22. Ruzhenceva, N.B. (2004). *Diskreditiruyushchiye taktiki i priyomy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse]. Ekaterinburg: USPU Publ., 294 p. (In Russ.)

23. Semenov, I.A. (2007). Ironiya kak kategoriya kul'tury [Irony as a cultural category]. *Analitika kul'turologii* [Cultural studies Analytics], 2(8), 19–22 (In Russ.)

24. Solodilova, I.A. (2023). Ironiya v politicheskikh debatakh: funktsional'naya kogerentnost' [Irony in political debate: Functional coherence]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9(4), 124–135 (In Russ.)

25. Fenina, V.V. (2015). Irony in everyday political discourse: analysis of the users' comments on the internet site of the radio-station "Echo of Moscow". *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 29–34. (In Russ.)

26. Freud, Z. (1997). *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu* [Wit and its relation to the unconscious]. St. Petersburg: Univ. kn.; Moscow: AST, 317 p. (In Russ.)

27. Sheygal, E.I. (n.d.). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Doctoral Thesis of Dr of Philology]. Volgograd, 440 p. (In Russ.)

28. Shilikhina, K.M. (2014). *Diskursivnaya praktika ironii : kognitivnyj, semanticheskij i pragmaticheskij aspekty* [The Discursive practice of irony : cognitive, semantic, and pragmatic aspects] [Doctoral Thesis of Dr of Philology]. Voronezh, 399 p. (In Russ.)